

— Неужели этот звук может быть громче барабана? — засомневался У Чжоу. — Может, мне еще пару раз ударить?

Фэн Цибай покачал головой:

— Быть громче барабана не обязательно. Главное, чтобы они услышали. Барабан был звонком к началу экзамена, а это — уже аудирование.

У Чжоу вытер пот со лба:

— Можешь выбрать другое сравнение? У меня теперь травма от экзаменов по английскому...

Чжао Хэ ничего не имел против флейты-сяо, но Фэн Цибай его удивил:

— Ты же с Факультета скульптуры, откуда умение играть на музыкальных инструментах?

Фэн Цибай отнесся к этому спокойно и небрежно объяснил:

— В детстве я занимался всем подряд: рисованием, музыкой, скульптурой, танцами. Пробовал все, что хоть как-то связано с искусством, кроме пения — тут у меня таланта нет. А когда дело дошло до вступительных экзаменов, понял, что в скульптуре у меня больше всего шансов, поэтому и выбрал эту специальность.

— Круто, — Чжао Хэ редко кого хвалил, но бесстыдство Сун Фэя и всесторонние таланты Фэн Цибая заставили его проникнуться искренним уважением. — Обычные люди от силы осваивают одну-две вещи, а ты заграбастал вообще всё. Неужели так сильно любишь искусство?

Фэн Цибай опустил глаза:

— Существует такая учеба, которая называется «твоя мама считает, что тебе это нужно».

На утреннем ветру зазвучала флейта — низко, тоскливо и печально.

Когда Фэн Цибай закончил играть песню «Маленькое яблоко», луна и звезды скрылись с небосвода и взошло солнце.

Чжао Хэ, чью душу эта сыгранная в классическом стиле поп-песня омыла невероятным покоем, не знал, какими словами оценить подобное исполнение. Застыв в оцепенении на какое-то время, он наконец выдал:

— Ты своей игрой рассвет призвал.

Фэн Цибай не понял, похвала это была или ирония, но расспрашивать не захотел и просто согласился:

— Да уж.

У Чжоу не успевал за ходом мыслей двух своих товарищей и решил заняться делом — например, прислушаться, нет ли ответа с какой-нибудь стороны.

Однако он слышал лишь пронизывающий утренний ветер, со свистом пролетающий над крышей.

Если долго концентрироваться, казалось, можно уловить обрывки человеческих голосов, но они были слишком слабыми — не успевал он вслушаться, как их уносило ледяным ветром.

День выдался ветреным, доводящим до отчаяния.

В преподавательском кабинете на двенадцатом этаже Корпуса Гэу трое парней то по очереди, то хором кричали во все горло на протяжении половины песни. Иногда они подпевали мелодии, иногда громко выкрикивали имена товарищей. Они даже не знали, кто именно из их друзей издает эти звуки, поэтому кричали наугад, кому попало. Но песня закончилась, а ответа так и не последовало.

Все трое сгорали от нетерпения.

Сун Фэй в конце концов просто запрыгнул на подоконник, уцепился рукой за оконную раму и, высунувшись наружу чуть ли не всем телом, принялся озираться по сторонам, как радар, истошно вопя:

— Сун Фэй! Ци Янь! Хэ Чживэнь! Эти трое в Корпусе Гэу! В Корпусе Гэу! В корпусе! А-а-а-а!..

У Ци Яня сердце едва не остановилось от испуга. Он боялся не его криков, а того, что этот оболтус сорвется вниз!

Пока Ци Янь спешно обхватывал руками это беспокойное создание, Хэ Чживэнь, быстро сориентировавшись на местности, оценил обстановку:

— Сун Фэй, не кричи. Будь то Корпус Исинь или еще более далекий Корпус Лубань, они нас отсюда не услышат. А если и услышат, то ничего не разберут — расстояние слишком большое, к тому же между нами стоит Корпус Цюши.

Сун Фэй понимал, что Хэ Чживэнь прав, но ведь их товарищи уже протрубили общий сбор, они не могли просто отмалчиваться.

Одного взгляда на выражение лица Сун Фэя хватило Ци Яню, чтобы понять его мысли. Не дожидаясь, пока тот откроет рот, он сам спросил студента-физика:

— У тебя есть другой способ передать сообщение?

Хэ Чживэнь нахмурился и на мгновение задумался:

— Я не уверен, но можно попробовать.

— Говори конкретнее, — поторопил Сун Фэй.

Хэ Чживэнь посмотрел на Ци Яня и серьезно произнес:

— Боюсь, придется еще раз спуститься на шестой этаж.

Сун Фэй закатил глаза. Неважно, что именно Хэ Чживэню понадобилось от Ци Яня на шестом этаже — на один этот поход туда-обратно уйдет столько времени, что играющий на флейте товарищ успеет прогулочным шагом дойти до Столовой и плотно пообедать горячим!

Но стоило ему собраться съязвить, как он заметил, что Ци Янь уже привязывает что-то к трубе отопления у окна. Приглядевшись, он обомлел: это был пожарный рукав, который они срезали и притащили вместе с батарейками!

Спуститься по пожарному рукаву и бежать по лестнице — это совершенно разные вещи! В плане экономии времени это был колоссальный прорыв, сравнимый с карманной телепортационной дверью! Сам Сун Фэй думал использовать рукав только для спуска на землю, совершенно упустив из виду, что по нему можно попасть на любой этаж. Словом, Ци Янь, который шел за батарейками, а прихватил еще и пожарный рукав, проявил невероятную дальновидность!

— На что устался? — краем глаза заметив, как стремительно меняются эмоции на лице Сун Фэя, Ци Янь невольно улыбнулся его бурной внутренней драме.

Сун Фэй восхищенно покачал головой и, проявив редкую искренность, похвалил его:

— Мой парень — талантище!

Ци Янь опустил голову, делая вид, что сосредоточенно закрепляет пожарный рукав, хотя улыбка уже растянулась до ушей.

Однако Сун Фэй остался недоволен и проворчал:

— А как же взаимность? Ты не собираешься похвалить меня в ответ?

Ци Янь на секунду замер, послушно поднял голову и пристально посмотрел Сун Фэю в глаза:

— Мой парень...

— Угу, угу, — закивал Сун Фэй.

— ...человек?

Разница всего в одно слово, а дистанция — в тысячу ли! И что самое возмутительное, почему это вообще был вопрос?!

Тем временем в кабинете декана на десятом этаже Корпуса Лубань Цяо Сыци и Чжоу Илюй уже сорвали голоса. К тому моменту, когда флейта снова завела мотив «Маленького яблока», у них от нехватки кислорода уже не осталось сил подпевать строчки про бесконечную любовь.

— Звук идет сзади, а мы кричим вперед — черта с два нас услышат, — в волнении мерил шагами комнату Чжоу Илюй.

Цяо Сыци тоже места себе не находил:

— И что делать? Не можем же мы пойти на другую сторону коридора и найти там другой кабинет.

Чжоу Илюй замер и медленно перевел взгляд на Цяо Сыци.

Цяо Сыци сглотнул:

— Э-э, я просто к слову сказал. В коридоре же полно Зомби, как мы вдвоем прорвемся? Хе-хе...

У Чжоу Илюя поползли тени по лицу:

— Расслабься, я и не собирался прорываться на ту сторону.

— Какое мудрое решение! — обрадовался Цяо Сыци.

— Мы поднимемся на крышу, — закончил Чжоу Илюй.

«...» И какой бес дернул его тогда последовать за этим безбашенным Чжоу Илюем?!

Утренний ветер снова донес тихие звуки флейты. На этот раз мелодия сменилась. Пусть она и не была столь заезженной, как «Маленькое яблоко», но все же казалась смутно знакомой.

Глаза Чжоу Илюя засияли:

— Мы понимаем друг друга без слов!

Цяо Сыци тоже узнал песню и в отчаянии осознал простую истину: трусливые люди трусливы каждый по-своему, а вот все безбашенные мыслят одинаково.

На крыше Корпуса Исинь, игнорируя нетерпение однокурсника Чжао и пессимизм однокурсника У, Фэн Цибай помолчал несколько минут и заиграл вторую композицию — «Крыша».

Классический дуэт Джея Чоу и Лэнди Вэнь в исполнении на ся звучал настолько тоскливо, будто звал: «Поднимись-ка на крышу, я хочу с тобой расстаться».

На этот раз Фэн Цибай играл неторопливо и протяжно, во многих местах намеренно замедляя темп. Еще во время повторения припева Чжао Хэ, чьи «окна души» оказались самыми зоркими, заметил маленькие темные человеческие силуэты на крыше Корпуса Лубань.

В тот же миг Цяо Сыци тоже разглядел товарища своим наметанным глазом:

— Чжао Хэ!

Корпус Лубань был на один этаж выше Корпуса Исинь, поэтому обзор оттуда открывался более широкий и полный. Но расстояние все же давало о себе знать. Чжоу Илюй долго шурился, пытаясь хоть что-то разглядеть, но смог лишь смутно разобрать силуэты трех человек на крыше противоположного здания. Он не то что лица, даже их рост и телосложение определить не мог.

Услышав, как Цяо Сыци с такой точностью назвал имя, он сильно удивился:

— Ты что, видишь его лицо?!

Цяо Сыци ответил:

— Я вижу его голову.

Чжоу Илюй был полностью повержен этим аргументом.

Теперь, когда обе группы поднялись на крыши, перекрытия и углы зданий больше не мешали общению. И хотя слышимость все еще оставляла желать лучшего, после нескольких повторений общую суть уловить удавалось.

— Как вы там оказались?! — крикнули Цяо Сыци и Чжоу Илюй. Они все еще помнили, как жертвовали собой, чтобы отвлечь врагов, пока их товарищи бежали к Корпусу Гэу.

— Чего-о-о?! — проорал в ответ У Чжоу.

Голос Чжао Хэ окончательно сел. Он подозревал, что его голосовые связки приказали долго жить еще позапрошлой ночью после нескольких часов непрерывных воплей. Просто благодаря выдающимся физическим данным вчера у него случился суточный прилив сил, но после ночи, проведенной у сырого и холодного пожарного гидранта, его голос окончательно превратился в хриплое утиное кряканье.

На крыше Корпуса Исинь не расслышали криков с Корпуса Лубань, но на Корпусе Лубань их голоса звучали разборчиво — то ли из-за направления ветра, дувшего от Исинь к Лубань, то ли по какой другой причине.

— Как вы там оказались?! — снова повторил Цяо Сыци.

У Чжоу вслушивался изо всех сил, жалея, что не может вытянуть уши на десять тысяч ли вперед.

Чжао Хэ не выдержал и вставил свое слово хриплым голосом:

— Я все точно расслышал. Он крикнул: «Как вы там обделались?!».

Фэн Цибай и У Чжоу синхронно скосили на него глаза.

Чжао Хэ неловко почесал затылок:

— Да, пожалуй, что-то тут не сходится...

<http://bllate.org/book/18287/1753497>